
ГАВРИИЛ
ОСКОЛКИ ДУШИ
18+

Александр Бадалян

Гавриил. Осколки души

«Автор»
2026

Бадалян А.

Гавриил. Осколки души / А. Бадалян — «Автор», 2026

К тридцати годам Гавриил научился читать чужие мысли, но так и не понял, что делать с собственной жизнью. Днём он продаёт краску, ночью возит пассажиров по Москве. Единственное, что напоминает ему о времени, когда он был счастлив, старая фотография девочки из детского дома по имени Кайя.Однажды в его такси садится человек, чьи мысли невозможно прочитать. Незнакомец задаёт простой вопрос: «Чего ты хочешь?»Ответ приводит Гавриила туда, где даже смерть не обещает избавления. Там за его душу борются существа, существовавшие задолго до рождения человечества, а добро и зло оказываются не такими однозначными, как принято считать.Гавриилу предстоит узнать, почему от него зависит судьба мира.

© Бадалян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 18
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Александр Бадалян
Гавриил. Осколки души

Глава 1

Солнце в этот день было яростным: его лучи проникали в огромные окна школьного кабинета истории и отражались от всех предметов на учительском столе. А блик на шариковой ручке временами бил прямо в глаза мальчику, отчего он щурился, морщился и кривил нос.

— Гавриил, — позвал взрослый мужчина в больших очках и с проседью. Его пиджак в клетку болотного цвета был весь протёрт, но из кармашка виднелся аккуратно выглаженный шёлковый белый платок.

— Ты так и будешь молчать? Весь класс сдал экзамен и уже давно пошёл отмечать конец учебного года, а ты даже не соизволил напрячься и выучить хоть один билет.

Учитель тяжело вздохнул и посмотрел на Гавриила. Тот сидел с опущенной головой и не произносил ни звука.

— Глянь, какая прекрасная погода: на дворе май!

— А что удивительного в мае? Такой же, как апрель или июнь, — быстро и чётко выпалил Гавриил и скрестил руки. Он нахмурил свои чёрные брови и уставился на учителя.

— Всё начинает цвести именно в мае! Скажем так, становление новой жизни!

— Понятно. Спасибо, — снова кратко сказал Гавриил и ещё больше наклонил голову. Казалось, шея его сейчас сломается.

— Ты никогда не любил учиться, я это помню. Ну, уже поздно что-то менять. Но вот что у тебя не отнять, так это интуицию, которая тебя никогда не подводила.

Гавриил перебил учителя, сказав, что это самое обычное везение.

— Везение? Ты никогда не ошибался, ты словно всегда знал, кто врёт, а кто говорит правду, какой верный ответ на задачу, не зная материала! Я порой задумывался: это уже дар, магия! Ведь как иначе это ещё объяснить?

Гавриил выдохнул, посмотрел на учителя так спокойно, без угрюмости и злости, что прежде были, и повторил:

— Везение. Я просто всегда угадывал.

Старый учитель громко засмеялся, пустив слюну, но, заметив, как она перелетает через две парты, быстро прикрыл рот и извинился перед Гавриилом. Однако это не остановило его.

— Гавриил, я честно не знаю, как ты это делаешь всякий раз, но если в тебе и есть дар, интуиция — называй как хочешь, — используй это так, как красивая девушка пользуется своим шармом, или как умный человек — своим тонким языком, или комик, который отпускает шутку, дабы всех рассмешить.

Учитель замолчал, потёр глаза ладошками и, вздохнув, продолжил:

— Ты ведь решил уйти после девятого класса и пойти работать, совмещая работу с учёбой; не спрашивай, откуда я это знаю, важно другое: в тебе горит желание стать взрослым и независимым. Но оно может увести тебя в сторону, и ты потеряешь себя навсегда. Сейчас я вижу лишь попытки казаться другим, закрытым ото всех, и на это есть причины, но, выйдя за пределы школы, там ты будешь никому не нужен со своими принципами и моралью, а без знаний тебя будут только использовать.

Гавриил наконец приподнял глаза и внимательно смотрел на учителя, вслушиваясь в каждое его слово.

— Я хочу дать тебе всего один совет: прошу, не теряй в себе это чудо.

— Игорь Александрович, нет никакого дара, я самый обычный мальчик. Это лишь совпадения.

— Да? Ну тогда скажи, что не знаешь, сколько жён было у Петра Первого?

Гавриил внимательно посмотрел в глаза учителя и, шевельнув губами, произнёс:

— Две.

— А сколько лет было на момент гибели царевичу Ивану, сыну Грозного?

И снова тот же пристальный взгляд. Настала полная тишина в кабинете, и даже голоса детей за закрытым окном казались сейчас громкими.

— Двадцать семь.

— И ты говоришь, что это совпадение? Это уникальный дар, и мне кажется, я знаю его разгадку…

На этом сцена прошлого оборвалась. Гавриила пробудил звонок на телефон; он сбросил его и снова попытался доесть макароны. Он крутил вилкой по тарелке и смотрел в никуда. Его глаза хоть и бегали по стенам старой каморки, что называлась столовой на работе, но мысленно он сидел за партой в 9-м классе. А с того дня прошло ровно 15 лет. Гавриил всё крутил в голове вопрос: что надо было сделать иначе в своей жизни? Почему жизнь проходит стороной? И самый трудный вопрос, которого он боялся: чего он добился к 30 годам? Ничего не изменилось. Жизнь помотала его из города в город, пока он не обосновался в Москве. Он подружился с товарищем по работе, и теперь они снимают однокомнатную квартиру у метро. Оба трудятся на двух работах: первая — продажа красок, а по вечерам они обычные таксисты.

— Приятного аппетита! — войдя в помещение, сказал коллега. Он присел рядом, закинул еду в микроволновую печь и внимательно уселся глядеть в телефон.

— Что там интересного, поглядим… О-о, новый закон издали! — посыпались вырванные реплики из интернета. — Прикинь, новый закон вышел: контроль переводов с карты на карту. — Затем он почесал до красноты свой вспотевший лоб и потряс головой.

— Гавриил, а скажи, что думаешь: наш новенький продержится? Не, ну он не прям баран бараном, может, и да, но, блин, бесит! Мутный тип, пытается обзванивать больше, чем положено, а я вот не понимаю этого!

Уже закидывая горячую картошку, коллега по работе продолжал болтать с наполненным ртом.

— Было сказано: звонить, обзванивать 50 номеров. Вот чего он рвётся всегда к цифре 67, 70? Ну вот зачем? Тебе работать так хочется? Ну иди паши на заводе!

Гавриил не реагировал, молчал, ковырялся в тарелке. А коллега продолжил, глядя в телефон:

— Короче, вымораживает меня он. Если не прекратит свои загоны, поговорю с ним!

Гавриил быстро закинул оставшуюся еду в рот, упаковал контейнер и пошёл на улицу. Встретив по пути коллег и выйдя уже за пределы офиса, он сделал глубокий вдох, поднял голову и посмотрел на узоры из облаков. Его взгляд искал любые ассоциации, и вот уже нашёл несколько похожих фигур. И тут он заговорил сам с собой:

— Куда мне дальше идти?

Он закрыл глаза, опустил голову, плечи его наклонились вперёд, и ком подступил к горлу. Пот пробежал по его спине, а в душе он ощутил холодок: страх окутал его тело. Он почувствовал себя настолько уязвимым, что готов был от любого крика или выговора сбежать, скрыться от глаз, признать любую вину — но кричать даже не было сил. Гавриил быстро достал из кармана маленькую цветную фотографию. На ней была изображена девочка с золотыми волнистыми волосами и зелёными глазами. Он протёр фотографию несколько раз, глубоко вдохнул и спокойно выдохнул. Он почувствовал, как вся агония его невозможного страха отступила. Он поглядел на часы: перерыв уже подходил к концу. Вернувшись на рабочее место, он стал

делать то, что считал самым бесполезным занятием, — обзванивать клиентов, так называемые холодные продажи.

Двадцать пять лет назад, около трёх часов ночи, в самую холодную пору, на морозе стояла девочка лет пяти. Её пробрал мороз насквозь, и каждое дуновение ветра било как хлыст по дрожащему телу; девочка ручкой билась в дверь детского дома — одного из немногих во Владимирской области. Но никто не открывал после десятка стуков. Тогда от бессилия, потеряв контроль над телом, она рухнула вперёд, ударившись головой в дверь, и прозвучал глухой стук, разбудивший охранника. Он подскочил со стула и так жадно начал сглатывать слюну, которая образовалась после ночного литра компота, и, наконец откашлявшись, решил проверить, что там произошло: может, бродячие собаки снова резвятся у них на территории? Дети иногда могли после завтрака обронить кусочек хлеба, и те всегда по ночам рыскали по двору. Он достал перцовый баллончик и бросился к двери. Как только он распахнул её, на него упала замёрзшая малютка. Он быстро поднял её на руки, захлопнул дверь, откуда дул свирепый ветер, и бросился к нянечке, которая всегда дежурила ночью на втором этаже. Когда он вошёл без стука в дверь, с кровати вскочила взрослая женщина, увидев сквозь лунный свет силуэт охранника в тулупе, в руках державшего кого-то. Он аккуратно положил её на пустую кровать, стоявшую рядом. И няня без малейшего слова стала быстро её полностью раздевать и проверять рукой лицо, пытаясь понять, отморозила ли она нос или уши.

— Беги за чаем! — крикнула она охраннику, а сама давай укутывать малютку под тёплое одеяло. — Бусинка, сейчас мы тебя согреем, потерпи чуть-чуть, сейчас всё будет хорошо!

Охранник бежал с горячей кружкой чая в одной руке, а в другой нёс варенье.

— Кто же в такой мороз ребёнка бросил! — возмущался он, качая головой. — Ну как она?

А нянечка молча стала поить малютку. Её сморщенные руки медленно и аккуратно наклоняли горячую кружку над заледеневшими губами ребёнка; после нескольких кружек цвет кожи порозовел, малютка смогла уже обхватить руки нянечки, что стояла над ней и продолжала поить чаем. И как только она открыла широко глаза, заблестели её яркие зелёные глаза. Увидев, что ребёнку стало лучше, охранник, выдохнув, спустился на первый этаж и принялся дальше нести службу на своём посту. Но до самого конца своей смены он ни разу не сомкнул глаз. Он прокручивал в голове лишь одно: какова цена его сна?

А тем временем у приоткрытой двери появился ещё один силуэт. И им был Гавриил — маленький мальчик с жгучими чёрными волосами, худощавым телосложением и красивыми добрыми глазами. Он пытался понять, что за шум был, и детское любопытство не осталось незаметным. Увидев его, нянечка, которую все называли тётей Женей, пригрозила ему пальцем и велела идти спать. Но тут Гавриил ослушался её впервые и, сделав несколько шагов вперёд, сказал:

— Тётя Женя, можно к вам?

Она немного задумалась и после кивнула ему. Гавриил медленно, в шортиках, в одной майке и в сланцах, которые были в два раза больше его ноги, прополз к ним. Он уселся рядом и смотрел на малютку. И, вытянув руку, сказал:

— Меня зовут Гавриил.

Девочка отпустила руку тёти Жени и, прикоснувшись к Гавриилу, ответила:

— А меня Кайя.

Гавриил часто возвращался в детство, но он не искал, как многие, ответов, т. к. прошлое было для него похоронено; он воссоздавал картинку в страшные моменты своей жизни. Память — такая вещь, что лучшее всегда хранит для трудных времён и что лишь прошлое определяет настоящее; оглянувшись назад, ты можешь изменить то, что впереди сейчас, либо оставить всё как есть. Гавриила пленило прошлое чаще, чем хотелось, и избавиться от фотографии,

которую он всегда держал при себе, было непосильно. Неважно, куда и когда он намеревался идти, — она была с ним навсегда.

На дворе уже стояла ночь, но огни большого города никогда не погасали до конца. Порой казалось, что жители мегаполиса не спали никогда: здесь, как в онлайне, всегда можно было найти любую услугу и приобрести любой товар в любое время суток. И вот одиннадцатый час; за обеденным столом сидел Гавриил, что-то внимательно читавший в телефоне, и его друг Костя, поедавший вчерашние пельмени. Он был крайне улыбчивым и выглядел счастливым человеком, он мог заразить любого позитивом, потому как рядом с ним в воздухе витали гармония и невероятный заряд энергии! Он глядел на тебя своими огромными глазами, в которых страсть, блеск и буря радости пробирались к тебе по невидимым путям, и всё это сопровождалось улыбкой, которая могла сгладить любые проблемы, вставшие у него на пути. Он не переносил угрюмых людей, говорил так: «Все беды этих людей — от переизбытка мнимого величия. И если за человеком тенью ходит мрак, то от таких следует держаться подальше». Гавриил же был серьёзным и порой слишком, в то время как Костя был всегда лёгким, как пёрышко, на подъём и любое изменение в своей жизни воспринимал со словами: «Хороший знак!»

Порой эти два разных взгляда сталкивали их лбами. Но догадаться было несложно, кто из них первым отказывался от обид и протягивал руку перемирия.

— Завтра у тебя второе собеседование? — спросил Костя. Гавриил даже не среагировал сразу, лишь через 5 секунд вытянул затяжное «а-а-а» и кивнул.

— Ты что там так внимательно изучаешь?! — Костя доел, положил посуду в раковину и отмыл её. Он подошёл с широкой улыбкой к Гавриилу и похлопал по плечу.

— Давай, дружище, пойду-ка я работать, вернусь к утру.

— И сразу в офис? — резко спросил Гавриил, подняв чёрные брови.

— Ты чего так реагируешь? Подумаешь, из смены в смену. Не в первый раз. Ты давай лучше отдыхай, завтра у тебя более важный день, а у меня — ничем не лучше и не хуже вчерашнего. Кто-то должен из нас наконец сменить работу, профессию! Первый шаг уже сделан, наконец!

Каменное лицо Гавриила растаяло, напряжённые скулы и брови расслабились. Он потянул его за руку и обнял, похлопав по спине.

Наутро следующего дня Гавриил поспешил в центр города, в одно из тысячи офисных зданий нашей столицы — в данном случае это панельное сооружение из металлической конструкции с большими панорамными окнами. Как правило, недалеко от парадной — толпа доходяг и офисных сотрудников, оживлённо что-то обсуждающих и жадно курящих сигареты; они поглядывают на прохожих. Ну а за автоматическими дверями — металлоискатель и охранник с лицом человека, проглотившего мыло. Его мысли явно не с проходящими, он задаёт вопросы и делает всё по памяти; затем на ресепшене выдаётся пропуск, и ты поднимаешься в лифт, где, как правило, скапливается очередь сотрудников, которые то и дело глазеют друг на друга.

Гавриил еле выбрался на 4-м этаже и шёл в назначенный кабинет. Где, вуаля, его ждал полиграф. Мужчина за 50 лет, бывший полицейский, считавший себя гением по раскрытию лжи и правды, попросил пришедшего Гавриила подождать за дверью. Гавриил покорно сидел, уткнувшись в телефон, потом смотрел по сторонам, затем подошёл к окну. И вроде люди ходят по огромному офису, и вроде всё вокруг свежо и так красиво в белых тонах, но это закрытое помещение словно напоминало аквариум, из которого так хочется выпрыгнуть. Прошло уже двадцать пять минут, и стало ясно, что его задерживают. Но тут высунулась голова старика с усами и в очках, который подозвал Гавриила.

Он не поднимал глаз, когда говорил, а говорил чётко и по делу. Голос его был приглушённым и плоским. «Здесь никто не будет с вами говорить по душам», — подумал Гавриил. Он объяснил всю процедуру и стал задавать вопросы. Сначала вопросы казались безобидными, но потом он мог выкинуть что-то резкое, из серии: «Зачем вы при подаче документов на кре-

дит указывали данные заведомо ложные, ведь вы не работали на тот момент?» Или вот, например, самый болезненный вопрос, который он оставил напоследок: «Каково это — быть человеком, не имеющим родителей? Вы думали из-за этого о суициде?» Гавриилу была очень нужна эта работа. Он принял этот вопрос как проверку на прочность, и даже в мыслях не было, что впереди сидит какой-то неизвестный человек и лезет ему в голову ради удовлетворения своих амбиций. И когда они от теории перешли к практике, когда на Гавриила надели датчики, трубки на живот и грудь, чтобы регистрировать дыхание, датчик движения и прочие измерительные приборы, вопросы были уже закрытые и совсем несложные. Но волнение, которое создал старичок, ожидание, которое он заставил испытывать, разговор по телефону ещё минут 15 при Гаврииле о его подработке в частной практике и важность данной вакансии повлекли большое эмоциональное напряжение, которое вылилось в стресс. И Гавриил понимал: полиграф он провалил. Даже если бы спросили сейчас у него, что это он убил Николая II, он бы ответил «нет», но полиграф показал бы ложь. И потому, когда тест всё же был окончен, Гавриил не смог стерпеть унижение и спросил:

— Интересная у вас работа.

Гавриил был максимально спокоен, но суров.

— Не жалуюсь, — холодно ответил он, снова опустив глаза вниз.

— А в чём она заключается? Нет, я не настолько глуп, чтобы не понимать цель происходящего, а вот именно? Ваша работа — в чём она заключается?

— Не понимаю, о чём вы, но тест окончен. Результаты вам сообщат в течение двух дней. До свидания.

Старичок снова не поднял глаз, и тогда Гавриил пошёл в нападение.

— Мне кажется, что ваша работа — копаться в прошлом кандидатов и выворачивать их наизнанку — делает вас хоть капельку живым, ведь у самого по локоть руки в грехах.

— Я бы послушал ваш бред, будь вы прикованы наручниками к столу, и если этого хочется, я могу устроить.

Гавриил закрыл глаза, сделал глубокий вдох и, медленно раздвинув губы, выдохнул и расслабил плечи, которые были напряжены, словно струны скрипки. Не открывая глаз, он стал говорить:

— Так, в прошлом вы были полицейским и не раз на допросах применяли силу?! Вы гнусный человек, и не потому, что изменяете жене и лжёте своим детям, создавая иллюзию крепкого брака, и не потому, что вы лицемер с друзьями и коллегами, и не потому, что трус, который не рискнёт пойти на бой, где будет знать, что может получить отпор, а потому, что вы не способны любить и не любили. Даже дети не смогли породить это чувство в вас. И не чувства к прекрасному наполняют ваше сердце, а ковыряние в чужих душах, чтобы увидеть боль и страх в глазах несчастных людей, так жаждущих получить эту грёбаную работу. Прощайте, мерзость! И когда в следующий раз будете снова покупать любовь за деньги, спросите себя самого: каково это — быть зверьём? А после ублажения не посещало вас озарение: «Может, выпрыгнуть в окно?»

Гавриил покинул кабинет, но сердце продолжало кипеть от злости, его распирала несправедливость прожитого часа. А старичок, который всё же наконец поднял глаза, напоминающие серо-зелёное болото, так и продолжал стоять, прислонившись к столу. Ибо Гавриил рассказал о нём всё в точности до мелочей. Его моментально охватила паника, и самое страшное, что тогда ему пришло на ум: а что, если жена и дети узнают, кто он на самом деле?

Как только Гавриил дошёл до выхода из здания, где уже он не обращал внимания ни на кого из толпы, он сразу же позвонил Косте, не спросив, занят тот или нет, и высказал своё гневное мнение о прошедшем. Костя в ответ лишь с ним соглашался и говорил о том, что если они так испытывают кандидатов на начальном этапе, атмосфера в компании далеко не лучше. Рыба гниёт с головы, и голова та построена на плечах рабовладельца. Гавриилу остава-

лось только смириться, это было не просто поражение, а очередное унижение. Но, несмотря на подкативший ком к горлу, Гавриил не опускал рук и не терял надежды, что и на его веку будет праздник. Войдя в метрополитен, он, как и раньше, вглядывался в лица всех людей и то улыбался, а то грустил; затем подумал о работе, на которую вынужден снова поехать, так как отпросился всего на 3 часа. Его с нетерпением ждал Костя, ведь, когда они работали в общие смены, день пролетал быстрее. На перекурах Гавриил раз пять ещё вспоминал про собеседование, говорил о том, что жалеет, что не встал и не ушёл с теста, разрешив какому-то козлу пройтись по нему, на что Костя уводил тему на поиск новой работы.

И вот настал конец рабочего дня; впереди покупка продуктов, быстрая готовка еды; как правило, Гавриил и Костя всегда покупали любой мясной продукт — главное, чтобы он был по акции, — и гарнир; иногда позволяли себе взять по акции газировку либо сок и обязательно в рацион они добавляли томаты и огурцы с сырой морковью. Ужин готовили всегда по очереди. После ужина, если было желание, ходили на балкон, выпивая чай, и делились идеями, планами и впечатлениями прожитого дня.

— Мне по-человечески обидно, что какая-то собака имеет право вот так лезть в душу своими грязными руками и ковыряться в головах людей, словно он в песочнице. Будь моя воля, я бы его убил, вот так бы взял, как таракана усатого, и раздавил ногой.

Гавриил разозлился и размахивал левой рукой, рисуя невидимые линии.

— Так ты ещё не забыл про полиграф?! Ну, хорошо, давай обсудим и закроем эту тему навсегда: что даёт тебе этот гнев? Ну вот поделись: допустим, мысленно ты его прибил, убил, уволил — на его место кого поставишь? Честного и справедливого, допустим… А почему не взяли ранее? Может, потому как система поддерживала его методы, и там наверняка есть камеры, да и служба безопасности в курсе всего! И 100% жалобы уже прилетали. Так что дальше? Меняем всю систему? Выходит, меняем главу компании? Или просто накажем того таракана? Потому как он был с тобой несправедлив и жесток, а боль, причинённая ему, исцелит тебя? А может, оставим всё как есть? Ты сядешь в такси и поедешь работать и в перерывах будешь продолжать искать работу.

Костя говорил легко, словно пускал пузыри, Гавриил же тяжело вздыхал.

— Может, ты и прав, такая работа и не сдалась… А представляешь, скольких людей вынуждает судьба работать на таких тараканов, а то и хлеще. У кого под завязку обязательства, ипотеки, кредиты.

Гавриил помассировал пальцами виски, затем протёр глаза и продолжил:

— Знаю, ты скажешь: каждый сам выбирает свою судьбу и строит счастье как может, но ведь…

Гавриил резко остановился и внимательно глядел в еле заметные звёзды.

— Так, какое «но»?

— Нет, нет никакого «но». И пока я не ушёл полностью в отчаяние и не уснул, пойду заварю себе кофе и поеду в центр города.

— Давай я поеду сегодня. Потом возьму два отгула.

— Нет, всё хорошо, не первый раз, не переживай, наоборот, мне нужно взбодриться, надеюсь на крутого клиента, который расскажет вдохновляющую историю. И спасибо тебе за всё, мне кажется, не будь тебя в моей жизни, я пропал бы давно.

Костя хотел возразить ему, что это не так. Но Гавриил не дал ему даже слова сказать, а, лишь похлопав по плечу, пошёл на кухню готовить кофе и выдвигаться на ночную смену в такси.

Москва жила своей жизнью; твои проблемы и мечты она не принимает; здесь все вынуждены крутиться, словно в блендере: на маленькой скорости ты успеваешь увернуться от ножа, но с каждым годом взросления режим блендера ускоряется, и потому времени на раздумья спустя 10 лет безделия просто нет. Гавриилу казалось, что вся его жизнь — это крепкая горка

снега, которая после мягкого мороза лишь окрепла ночью, но по весне, как бы ни хотелось на ней прокатиться, солнце начинает греть сильнее, и она тает; вот и Гавриил винил в своих неудачах всё, кроме себя самого.

А тем временем одного за другим клиентов Гавриил обслуживал, довозя до места назначения. Кто-то предпочитал молча ездить, кто-то любил пообщаться, с кем-то удавалось быстро и непринуждённо провести время в пути, и в редких случаях 10 минут поездки могли длиться вечностью. Тут Гавриилу выпал дальний заказ. Маршрут пролегал далеко за пределами Москвы. Это не пугало его, несмотря на то, что обратно он мог вернуться без клиента.

На заднее пассажирское сиденье удобно устроился мужчина средних лет, он был одет в деловой костюм, аккуратно выбрит, и даже от него доносился шлейф духов с нотками цитруса. Он представился, поблагодарил, что заказ принял, и пообещал доплатить по приезде.

— У вас крайне редкое имя для столицы, да чего столицы — по всей стране не более двух тысяч Гавриилов бегают.

Гавриил внимательно слушал клиента и всё чаще стал смотреть в зеркало заднего вида.

— Необязательно быть гением, чтобы понять, насколько сложно работать в такси молодым людям, таким вроде вас… Вот вам примерно 30 лет, и к этому возрасту у вас должна быть реализована как минимум одна мечта: престижная работа, своя квартира, женитьба на самой красивой девушке, детки и путешествие по миру. Но в какой-то момент что-то пошло не так, и вы потеряли вкус к жизни или не приобрели его. И это привело вас именно сюда, и нет ничего, кроме мыслей; ну, это не моё дело, кажется, я наговорил лишнего; как говорят люди: «Не суди, да не судим будешь».

— Однако осудили, — сказал Гавриил спокойно.

— Лишь подсветил, что себя надо ценить: работа ночью утомляет вдвое сильнее, теряется острота зрения, реакция на препятствие снижается, а отсутствие пробок увеличивает шансы уснуть и попасть в аварию. Всё это должно окупаться зарплатой либо неким удовольствием. Но, мне кажется, удовольствия от развоза незнакомцев нет, а дохода не хватит, чтобы отложить себе на потом, выходит, вы пленник ситуации?

— Вы гений! А давайте я угадаю, что далее скажете!

В этот момент глаза Гавриила заблестели, улыбка озарила его лицо, он думал, что понимает, к чему ведёт разговор клиент, и не мог отказать себе в удовольствии подшутить над ним.

— Я соглашаюсь с вами, сказав, что являюсь пленником обстоятельств, вы улыбнётесь, ну конечно, быть провидцем — это безумно приятно! А вы мне в ответ, как философ, процитируете банальную фразу из интернета о том, что всё в ваших руках и каждый способен на изменения в своей жизни, нужно только взять и сделать. Верно говорю?

— Нет, — очень сурово ответил незнакомец. Он приподнял подбородок, выпрямился и облокотился назад.

— Для своих лет вы слишком торопливы, и ведь наверняка жизнь учила неоднократно вас не делать поспешных выводов, особенно с незнакомцами: спешка многих полководцев привела к гибели.

Улыбка исчезла, как вчерашний день, с лица Гавриила; он словно окаменел и, сомкнув зубы, ухватился за руль максимально крепко.

— Я вас обидел? Прошу, не стоит злиться на меня, я ведь просто вёл беседу в надежде услышать от вас, что вы предпримете дальше.

Гавриил молча пытался проникнуть в сознание клиента, но впервые столкнулся с тем, что у человека, кроме пустоты, он не видел ничего; шум и тьма лишь бушевали в его голове, это жутко напугало Гавриила, ведь он всегда имел превосходство перед любым человеком из-за дара вселяться в сознание и читать мысли, и желание уличить клиента в чём-то грязном, сокровенном, найти и в нём изъян пропало напрочь. И как бы он ни концентрировался, как бы он ни пытался применить свой дар, ему не удавалось увидеть больше, чем чёрный цвет.

Из-за переживаний он стал ёрзать в кресле, тяжело дышать и по итогу заехал на заправку со словами, что не рассчитывал на столь длинную поездку и вынужден заправиться.

Выбежав на свежий воздух, он, словно воздушный шар, лопнул и стал ругаться матом, но эти крики были направлены вникуда, в ночную гущу деревьев, что были недалеко от колонки. Волнение вновь прокралось в его душу, и он полез в карман, чтобы достать фотографию Кайи, но не сумел её отыскать, и вот тогда им полностью овладела паника. На его лице при свете луны виднелись дрожащие губы, а по лбу выступил холодный пот, который уже блестел и по щекам, и над губой. Он кинулся бежать в здание, где оплатил бензин, и забежал в туалет, где стал умываться холодной водой и проговаривать шёпотом:

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо, Гавриил, ничего не бойся, всё будет хорошо.

Закрыв глаза, он окунулся в самые светлые воспоминания своей жизни.

— Мы так и не смогли отыскать родителей нашей девочки, а одного имени недостаточно, чтобы как-то выйти на них.

— Ты же знаешь, это не первый и не последний раз, когда деток бросают, главное! Она здорова и для своих лет достаточно развита, конечно, странно, что родителей не помнит своих и даже фамилии.

— А глянь на нашего Гавриила — его словно подменили, я его не узнаю.

— И ты заметила?

— Помнишь хоть раз, чтобы он улыбался и общался с кем-то? Я вот нет. А работаю уже здесь два года.

Это общались тётя Женя, та самая нянечка, что приводила в чувство Кайю, и воспитатель детского дома Раиса. Они стояли на жутком морозе, укутавшись в дублёнки, шапки, перчатки, подштанники, шерстяные брюки, носки и, наконец, валенки. Пар изо рта был густым, как от сигар, но, несмотря на жуткий мороз, дети активно играли: все обожали кататься на горке, построенной охранником, и также сидеть в ледяной пещере, которую он соорудил; некоторые пытались лепить из замёрзшего снега снеговиков. В то время как Гавриил не отходил от Кайи, он молча ходил за ней, пытался как-то угодить ей; когда та спускалась с горки, подавал ей руку и помогал взбираться на неё. А если кто закидывал её снежками, даже пусть из ребят постарше, он бросался на них и сбивал с ног. Стоило Кайе улыбнуться, как тут же он улыбался ей в ответ; как только она оборачивалась, играя с другими детками, он каменел лицом.

Прошли годы, их дружба только крепла. И в один из дней летних, сидя на лавочке, рассуждали двое.

— Скажи, Кайя, а что будет, когда мы закончим учиться? Что дальше? Пойдём работать?

Кайя и Гавриил болтали ногами, сидя на лавочке, и смотрели на старинный дуб на территории своего детдома.

— Ты же знаешь, я люблю петь, — сказала Кайя.

— Так ты будешь певицей? Вот только у тебя это получается плохо.

Гавриил засмеялся.

— Ты же всегда меня хвалил перед всеми и говорил, что я лучшая в нашем хоре! Или ты не врал? — возмутилась Кайя и отвернула голову от Гавриила, задев его своими золотыми волосами.

— Это неважно, нравится мне твоё пение или нет, лучше тебя никто не пел и не будет петь! И если ты пустишь меня быть твоим другом на всю жизнь, я буду им всегда!

Кайя повернулась и обняла его сильно-сильно.

— Мы будем всегда, слышишь, Гавриил, всегда рядом, миллионы лет.

Гавриил выбрался из её объятий, закружился на месте и задумался, проговаривая вслух:

— Миллионы лет, а сколько сейчас лет нам? 12?! Миллион вычесть 12? Не-е-е, люди столько не живут, вот 70 — да, 100 — да, но столько нулей даже в календаре нет!

— Не принимай буквально! Просто мне так хочется! Я хочу, чтобы наша дружба длилась миллионы лет!

Наши дни. Гавриил ещё раз умылся холодной водой и, посмотрев в зеркало, проговорил:

— Ты всегда будешь жить в моём мире, Кайя.

Приступ паники отпустил. И, доставая руку из кармана джинсов, он увидел в ладони ту самую фотографию Кайи.

Гавриил поспешил за руль и принялся продолжать маршрут. Незнакомец сразу поинтересовался, всё ли хорошо. На что Гавриил ответил: «Да».

— А так и не скажешь: с такой скоростью вы покинули машину и так долго вас не было, — подметил он.

— Я отлучался в туалет, извините, что заставил ожидать. Расскажите, раз нам предстоит ещё в дороге провести чуть меньше часа. Откуда вы и чем занимаетесь? Если не секрет.

Гавриил решил не дожидаться новых нападок и взять разговор в свои руки.

— У меня командировка сейчас. В детали своей должности посвятить не могу, но цель проста — убедить объект в том, что под каждым простым решением кроется важность. И пока вы не задали встречный вопрос, отвечу. Вот, например, вы одинокий человек, ни семьи, ни карьеры, и любое принятое решение, как вы считаете, не судьбоносное: мол, что бы сейчас ни сделали вы, кардинально не поменяется ничего, но истина в том, что как раз именно сейчас ваша судьба и решается в эти часы, секунды, каждый раз, когда вы говорите себе, что сегодня самый обычный день, ничем не отличающийся от другого, что это рутина, болото. Называйте как угодно, но это и есть определение существования.

— То есть вы бизнес-тренер? Или психолог?

— Моя награда измеряется только результатом. Либо я сумел сделать, либо провалил задание. А у психологов или тренеров больше про ощущения, там нет чёткого измерителя.

— Я не понимаю, честно, кем вы работаете и что за цель преследуете. Но хоть назвать зарплату сможете? Так, чтобы я понял.

— Не всё в этой жизни дано постичь, тем более за столь короткий период. А я работаю бесплатно, говоря на вашем языке.

Гавриил улыбался; его забавил бред от клиента. Но решил не вступать в спор, ибо первый урок он запомнил — не делать поспешных выводов.

— Допустим, вам не нужны деньги, и да, я вижу, что заказ у вас корпоративный, но за что-то вас должны купить? Если не деньги. Ещё за что можно работать? И кататься посреди ночи в соседние города.

— Например, за идею. Вот в детстве у вас была мечта, Гавриил? И измерялась она в деньгах? Больше всего чего вам не хватало?

И тут Гавриил потух, как свеча, больше вопросов не стало, он вернулся в своё детство, чтобы самому себе ответить на вопрос, ответ на который и так прекрасно знал.

Примерно двадцать лет тому назад. За письменным столом сидели Кайя и Гавриил; они решали задачу по математике, оставшись после уроков. Их ничего не могло отвлечь от погружения в цифры, интерес к верному ответу пленил умы детей. По итогу Кайя завершила первой и, развернувшись к Гавриилу, пристально разглядывала, как брови Гавриила то поднимались домиком, то опускались прям на глаза.

— Ура, решил! Кайя, а задача совсем не сложная!

— Только ничего, что мы последними её решили? Чему ты так радуешься?

— Какая разница, главное, что мы решили. Пойдём уже гулять, а тетрадь оставим на учительском столе, чтобы утром он обрадовался, увидев, какие мы крутые!

— Разница есть и огромная! Если тёть Галя приготовит нам еду на час позже? Разница будет? Можешь не отвечать, она будет! И так везде и со всем.

Гавриил не подал виду, что впервые за столько времени испытал унижение: Кайя сделала ему замечания, хотя он считал, что мальчикам нельзя перечить — так говорили старшие ребята, а они были всегда правы! И вот сейчас ему казалось, что произошло что-то страшное, которое перечеркнёт их отношения; унижение он не прощал никому и никогда. Но вот злиться на Кайю он не мог и никогда не держал обиду больше минуты, ни сейчас, ни потом, она растворялась в воздухе, как облако из-под горячего чая, и в сердце оставалось только место для безграничной любви его к ней.

Гавриил с Кайей гуляли по садам у школы и наслаждались солнечными днями, так как сентябрь не успел ещё охладить прогретую землю. Гавриил был одет в белую рубашку, поверх — пиджачок; ему он достался по наследству в детдоме, а тем также передавали те, кто вырастал, и так цепочка длилась, пока вещи не снашивались до дыр, от которых не спасали подкладки.

— Кайя, я часто вижу сны, где мы постоянно бежим от кого-то, прыгаем по крышам школы, то в каком-то доме окажемся, и снова бежим, даже помню, как мы выпрыгнули в окно и мягко приземлились на землю. Я просыпаюсь и ловлю себя на мысли, что я счастлив. И я там тот, кем бы хотел быть.

— А что хорошего в этих снах, что ты так счастлив? — спросила Кайя, срывая с веток маленькие яблочки. Она поделилась ими с Гавриилом и принялась уплетать свою долю.

— Меня очень сильно тревожит одна штука.

Гавриил весь скривился, то улыбался, то жевал губы, то нос чесал.

— Я не знаю, что это такое, но похоже на страх, во сне я уверен, что ты моя, ну, в смысле, мой друг, мой человек, короче это…

Гавриил опустил голову; его шаг замедлился, и он стал чесать левую ладонь и так внимательно смотреть на неё, словно пытался увидеть линию судьбы. Кайя же смиренно слушала и еле сдерживала смех.

— Хочу, чтоб ты знала: ты самый мой родной человек. Ты же обещаешь, что никогда не уйдёшь и не оставишь меня одного?

Кайя нежно улыбнулась и ответила:

— Ну куда я могу деться, мы же живём в одном доме.

— Тебя могут забрать, все знают, что девочек забирают чаще, а такую, как ты, тем более.

— Какую такую?

— Ты всё знаешь. Не прикидывайся. Это я странный, со мной мало кто хочет общаться, а усыновить — ни за что не поверю!

— Ой, всё, пошли скорее домой, я с голоду умираю.

Наши дни.

— Видите, Гавриил, вам трудно ответить на этот вопрос честно, так как в детстве вы явно не желали денег. И моя цель — раскрыть в людях их главное желание и подарить им это. И как бы тщательно ни скрывали свои намерения, свои настоящие мысли, не говоря уже о том, какие желания из детства похоронили глубоко в душе, стоит случиться горю или постигнуть вас неудаче — вы возвращаетесь к тем истокам, где формировались мечты и желания, но только уже смотрите с жалостью к себе из-за того, что не успели и не смогли добиться ничего из того, о чём мечтали. Представьте себе — это как прощаться с уже умершим человеком; такова человеческая сущность: осознание всегда приходит после. Так вот, Гавриил, назовите, чего вы больше всего желали в детстве, и, уверен, там не будет слова «деньги».

— И что? К чему все эти умные суждения? Какой ребёнок будет мечтать о деньгах? Есть большая разница между умным человеком и тем, кто хочет им казаться…

Гавриил замолчал, раздумывая: «Зачем я кричу?! К чему весь этот разговор, что он хочет от меня? Благо осталось ехать двадцать минут».

— А как же все эти люди, которые просыпаются, не зная, что им сегодня делать? Чем занять себя? Кем работать? С кем встречаться? Может, построить семью с придурком из соседнего дома или с парнем, что кажется задротом из отдела аналитики, ибо мне уже 40, а рожать надо. Или лицемеры, пьющие водку за дружбу, а потом спящие с жёнами друзей? А может, про богатых и избалованных деток? Которым всё мало, и они всегда будут уверены, что, что бы ни случилось, отец всегда отмажет. А может, про политиков? Которые утверждают законы, говоря, что это во благо народа, но блага бывают разные и народ может сократиться до своего круга семьи. Какую бы тему нам ни пришлось обсудить, вам всё равно придётся рассказать мне правду, Гавриил. Вас очень сильно тяготит одна боль, и имя ей — одиночество, так чего вы больше всего хотели в детстве?

По лбу Гавриила побежал пот, сердце его застучало быстрее, а руки онемели. По вискам забился нерв, словно струна, и раздался глухой гул в левом ухе, словно ветерок из скважины в форточке зимой. А клиент продолжал смотреть в зеркало заднего вида, откуда чётко наблюдал за Гавриилом, он был спокоен и нем — никаких эмоций, словно рыба.

— Боитесь произнести слово? Ну, давайте я помогу: вы никогда не видели своих родителей, а для людей это как быть особенным до конца своей жизни. В детдоме вы сторонились всех людей из-за того, что могли чувствовать и видеть их мысли, их желания, и, чуть повзрослев, примерно в 4 годика, вы уже понимали: это уникальность ваша. А почему не подпускали никого, кроме няньки? Потому что она меньше всех думала плохо о людях и бранилась на них без причин. И только появление одной малютки изменило твою жизнь, та девочка была для тебя всем, пока…

Гавриил выжал тормоз до упора посреди поля и, выйдя из машины, стал идти по дороге; голова его была опущена, и от прохлады его знобило, а оставалось им ехать буквально пять минут.

Примерно 17 лет назад.

В этот день никому не спалось: по телевизору показывали боевик, который привлёк внимание как деток, так и няню с охранником. В большой комнате, где располагался десяток табуреток, по центру стояла тумба, на которой расположился телевизор, пульт от которого был потерян, и как только был перерыв на рекламу, самый маленький бежал уменьшать звук, а те, кто сидел на полу на красном ковре, оборачивались к остальным и бурно обсуждали, какие крутые сцены они сейчас увидели, и каждый мальчишка мечтал быть похожим на главного героя. Позади всех сидел Гавриил, слегка наклонившись к Кайе; его рука крепко держала её руку, этот жест напоминал объятие двух родных людей, которые спустя годы стали любить только сильнее; этот жест был нежным прикосновением двух душ. Их союз был предрешён задолго до их рождения. Они не разлучались теперь друг от друга ни на минуту, их дружба, которая переросла в нечто большее, настораживала воспитателя, и та всегда находила повод сделать Гавриилу замечание за беспорядок в комнате, а Кайю уличить в распутстве за прижимы к Гавриилу.

На следующий день днём кто выбрался гулять в соседние дворы к знакомым, кто в саду детдома решил провести субботний день, кто-то за игрушками, а кто-то сидел, как Кайя и Гавриил, за книжками, изучая греческую мифологию и египетских богов. Они были увлечены друг другом не меньше, чем любимым занятием, будь это просмотр фильмов или чтение книг, будь это урок по истории или пробежка вокруг школы. Внезапно прозвучал скрежет скрипящей двери, и на пороге стояла воспитательница Раиса. К удивлению, сегодня она была в радостном настроении: она улыбалась во весь рот и словно парила в воздухе, несмотря на своё достаточно плотное телосложение, которое вызывало бурное обсуждение среди всех детей, потому как надевала одежду на размер меньше.

— Детки! Детишки мои.

Раиса была в полном восторге — от чего, пока неясно. Гавриил успел прочесть её мысли, но было уже поздно: в комнату вошла пара.

— Поздоровайтесь с нашими гостями.

«Это ещё кто такие?» — подумал Гавриил. Он смотрел на них и на Кайю, и вот так бесконечное число раз, пока Раиса снова не стала говорить.

— Это наша всеми любимая Кайя, а это Гавриил.

Их взгляд фокусировался исключительно на Кайе. Страх окутал зелёные глаза Кайи. Перед ней стояла пара средних лет: мужчина с проседью и большой щербинкой между передними зубами, чуть выше его обветренных губ торчали рыжие густые усы; дама же была в чёрном платье и с причёской словно одуванчик: короткие серо-пепельные волосы стояли столбиками вокруг её головы; яркая красная помада и румяна, и красный кожаный пиджак; мужчина же был одет в джинсовый костюм с чёрной сумкой на поясе и в кроссовках цвета хаки. Ему не хватало бейсболки, чтобы он создал впечатление типичного американца.

Их взор не покидал Кайю. Для Гавриила это было ударом, но он с ним справлялся, успокаивая себя словами от детей постарше, что ребёнка не посмеют забрать против его воли, и не сомневался в том, что Кайя откажет любой семье, так как между ними любовь. На просьбу Раисы покинуть комнату Гавриил всячески пытался найти повод остаться: то книгу забыл, то ботинок сполз, то что-то надо срочно сказать Кайе, и когда Раиса поняла, что он задумал, то, схватив его за руку, показала своё настоящее лицо: перекошенный рот, выпученные глаза и голос — как ножом по стеклу, а пара, наконец присевшая на стулья, только мило улыбалась и благодарила её за то, что выгнала истеричного мальчика.

— Кайя, всё будет хорошо! Кайя, посмотри на меня!

Гавриил это кричал у самой дверной арки, когда в неё Раиса запихивала его; Кайя так и не поднимала головы, а лишь сидела, склонив свой взор к рукам, которые сложила у ног своих.

Гавриил не догадывался, что это была их последняя встреча; в тот день Раиса запрягла его работой по уборке территории, и когда он вернулся обратно, закончив собирать листву, Кайи уже не было, как и не было её вещей. Больше Гавриил не видел Кайю никогда. У него осталась только маленькая фотография, которую он сохранил по сей день.

Наши дни.

— Гавриил! — закричал клиент, выйдя из машины и побежав в его сторону. — Твоей вины нет в том, что произошло тогда! К чему это привело? Посмотри на себя сейчас, ты живёшь в прошлом и пытаешься найти ответы, которые не изменят настоящее, потому что не ты допустил ошибку! Твой выбор был жить с ней! Гавриил, ну остановись, прошу.

Гавриил обернулся, так и не подняв головы.

— Я каждый день искал ответы в своей маленькой голове: почему она бросила меня, почему её нет больше со мной! Каждый день я приходил и садился на лавочку, где мы обсуждали наше будущее, я пытался её найти!

Гавриил говорил, надрываясь, и голос его охрип.

— Она не понимала, что, если уйдёт из моей жизни, я больше не смогу жить?! Я возненавидел её всем сердцем и проклинал её каждый день! Каждую ночь я желал всем людям сдохнуть, чтобы как-то легче стало мне! Но мир жил дальше, а я стал комком ненависти ко всему живому и сожалений о самом себе.

Клиент подошёл к Гавриилу на расстоянии вытянутой руки.

— Я понимаю, что уже влип в какую-то неприятную ситуацию, ведь вы не человек, возможно, и я тоже, но я устал убегать — от всего, от чего-то неизвестного, ведь вы первый, чьи мысли я так и не сумел прочесть, но я вас не боюсь! Я был ребёнком, от которого отказались родители, и со мной так предательски, как я считал в далёком детстве, обошлась единственная живая душа, которую я люблю по сей день. Меня это уже сломало!

— Гавриил, ты веришь в магию и чудеса?

— А как не верить в чудо, когда на дню я проживаю полный спектр эмоций: от зависти, страха, печали и гнева до восхищения, радости и интереса. Разве это не чудо? А?!

— Ты хочешь её увидеть?

— Да, я хочу.

Гавриил выпрямил спину, упёрся двумя ногами в асфальт. Страх, который, словно вулкан, бурлил в его душе и так жаждал вырваться наружу, словно оборачивался в ледяной озноб, который покрывал каждую клетку его тела, но ему удавалось удержать его в клетке. Он стал сводить все воспоминания о Кайе в одну целую картину, он ощутил всё, что тогда отпечатал в своей памяти: тепло спокойствия и любовь к ней, и, закрыв глаза, перенеся себя в память, где был рядом с ней, сумел проникнуть в разум неизвестного, который выглядел как человек. Но раздался пронзительный до боли крик, затяжное звучание заставило Гавриила открыть глаза и повернуть голову в сторону, откуда и исходил женский голос, — и вмиг Гавриил исчез.

Глава 2

Когда мы готовы к бою или в ожидании грома, он проносится где-то рядом и нас обходит стороной. Но именно в самый неожиданный и сложный момент нашей жизни все стрелы громовержцев полетят в нас.

За огромным деревянным столом расположилось множество господ. Каждый смотрел на рукописи и пытался разобраться в них, кто-то перечитывал, кто-то вдумчиво глядел на другого, а кому-то уже было всё предельно понятно: ответа здесь нет. Обсуждение переросло в бурный спор, и чем громче они говорили, тем сильнее звёзды над их головами меркли. У самого конца стола появился силуэт из ниоткуда. Перед ними стоял высокий господин с длинными волосами и в чёрном одеянии; глаза его большие бегали вокруг тонкого ровного носа и наконец застыли на рукописях, что дёргали его подданные. Он поправил своей изящной рукой длинные волосы и, широко улыбаясь, сумел молча спросить: «Что здесь происходит?» Любое его желание знал наперёд каждый обитатель Ада.

Спор оборвался. Господа перестали тянуть рукописи друг у друга и уставились на него.

— Владыка, простите, что в столь поздний час вашего покоя мы уселись перебирать предсказание… — обратился один из верховных демонов с преклонённой головой. Это был Эшу. И все разом согнули спины.

— Да, пожалуй, стоило быть потише. Вы здорово напугали моих друзей.

Каждое слово он произносил не спеша; голос его был мягким и обволакивающим, его хотелось слушать и слушать, но цену словам его надо было знать, потому как мало из существующих во Вселенной существ пожелали бы его компании. Он поднял голову и, скрутив губы в трубочку, легонько дунул в небо — и вмиг звёзды засветились ярче прежнего.

— И чем же вы меня удивите?

— Владыка, вам, как и нам, известно, что человеку была каким-то чудным образом дарована частичка души высшего архангела, хорошо известного как Гавриил, посланника Бога. А оставшийся миллиард частичек расколотой души разлетелся по Вселенной. И в предании говорится: человек тот родился без земных родителей, а значит, без Бога не обошлось, и спустя долгие годы ребёнок превратится в архангела, как только пройдёт свой тягостный путь; он обретёт покой метавшейся души. Вердикт таков: если не убьём его или не переманим на нашу сторону, то этот самый юноша, что находится сейчас у нас в одной из темниц, обратится в архангела, — сказал Маркус, ещё один верховный демон.

— Вашего безграничного таланта хватило только на данное умозаключение? Которое известно каждому? А каковы гарантии, что, если убить мальчика, частичка Гавриила не отскочит обратно на Землю? И в этот раз не усомнюсь, что Гавриил сумеет переродиться. Что тогда я буду делать? Что будете делать вы? Из вас никто так и не научился дальше носа думать? Маркус, ладно они, но ты! Неужели больше не добавишь? Или всё это для вас игры? Потому что ваш владыка, как обычно, постоит за вами? Ух, кого-то надо из вас задушить, чтобы стали поумнее… Лучший исход только один: нам надо извлечь его частичку и поглотить её. И вот тогда никто и никогда не будет мне опасен.

— Владыка, душа человека покинет тело от изнеможения и попадёт сразу к Богу. И вы знаете это не хуже меня. А душа ангела? Вспомните хоть один случай, когда кто-то её добровольно передал, — ответил Маркус.

— Вы знаете меня не хуже себя и знаете, что я не допущу ни одной угрозы для себя, и потому убийство — не выход. Частичка Гавриила может отскочить куда угодно и кому угодно. Раз так, то Отец сам навлёк на него мучения, и потому забудьте, что написано в преданиях:

они тоже созданы божьими тварями, чьи взгляды не отличаются от взглядов Отца, а значит, там лишь его слова. Но я доказал, что всегда можно иначе. Частичка нужна мне любой ценой.

— Каков будет приказ? — спросил третий верховный демон Ариэль.

— Есть ещё вопросы, которые остаются загадками: кто помогал всё это время так тщательно скрываться Гавриилу от нас и, самое главное, зачем? Будь это ангел, то Михаил бы знал и забрал бы к себе мальчика; будь демон, знал бы я. Это кто-то, кто преследовал свои интересы. И да, — Владыка улыбнулся шире прежнего, — Михаил наверняка попытается высвободить нашего пленника. Готовиться к схватке! И приказываю приступать к изнурительным пыткам, но помните: если он умрёт, вы займёте его место.

Владыка исчез, не добавив ни слова, оставляя за собой, как всегда, с десяток вопросов. Трое верховных демонов, величайших и могущественных существ, продолжали общаться, но уже вполтона.

Все они выглядели словно люди, но под каждой оболочкой скрывались чудовища. Первым был Маркус, спокойный и хладнокровный, рыжий, худощавый и высокий; глаза его были жёлто-зелёные, напоминали змеиные; существовал уже более пяти тысяч лет, почти бессмертный, ибо его кожу невозможно пробить; настоящий облик — огнедышащий дракон. Маркус был слаб только перед двумя существами: владыкой и архангелом Михаилом. Главная способность — вселяться в разум и порождать в нём хаос; то создание, на которое пали его чары, обречено на погибель. А одновременно он способен посеять панику в сердцах тысячи людей. И самое важное — это мыслить стратегически и предсказывать исходы событий. Вторым был Ариэль, чей облик отличался кардинально: блондин с длинной бородой и большой шевелюрой, сутулый, мускулистый, весил четверть тонны и ростом был почти три метра; его настоящий облик — это летающий лев с крыльями и хвостом скорпиона. Он был военачальником всего Ада. Первым рвался в любое сражение и никогда не сдавался, в его хвосте был яд, который лечил его самого при укусе. Слабость лишь одна: он любил очень сильно свою жену. И третьим был Эшу, тот, кто постоянно менял свой облик истинный; он мог превратиться в любое существо или человека; его несменяемый облик — средний рост, средняя комплекция, брюнет с яркими голубыми глазами и густыми усами; его талант — искушать людей, давать им то, чего те пожелают, и, конечно, взамен заполучать власть над человеком. Именно он — тот самый странный пассажир в такси. Эшу был самым хитрым созданием во Вселенной, гением маскировки, он мог даже стать невидимым. Но обычная пуля из настоящего серебра способна убить его навсегда.

Ад был домом для всей Вселенной, и его двери были открыты всегда и для всех. И потому здесь можно было встретить как могущественных созданий, так и слабых и угнетённых, порядок был для всех один. Стоило бы хоть единожды нарушить свод законов — и в лучшем случае это каралось изгнанием, но для показательных мер всех жителей Ада выводили на центральную площадь и виновников казнили публично.

Чёткая структура правления и управления была в Аду; каждому было определено с рождения, чем здесь заниматься. В Аду жили исключительно племенами — каждый сородич со своими, и в каждой из земель была своя иерархия.

Но перенесёмся в далёкие земли Ада, край Калахар: в одной из пещер средь полной тишины еле горел огонёк неколебимый. Он освещал темницу на одну камеру, где за решёткой лежал без сознания Гавриил. Калахар давно заброшен, эти земли были непригодны для разведения скота или выращивания продовольствия, и потому было решено здесь создать тюрьму. И очень давно здесь было оживлённо, но после нового закона всех преступников в аду судили в тот же день, как и ловили, а после суровых карательных мер все ограничиваются лёгкими побоями.

Сейчас перед нами без сознания лежал Гавриил, недавно бежавший по земле родной, он был одет в кроссовки, в джинсы, в поло и пиджак; все они испачкались, пока его волокли по

полу, а голову, зацепив о клетку, расшибли до крови. Возле него словно из пыли и пустоты образ дьявола воссоздался. Он коснулся его лба, и Гавриил вскочил и отбежал, сколько было сил.

— Кто вы? Почему я в тюрьме?

Голос его дрожал.

Он пятился, пока спиной не упёрся в решётку, и только тогда понял, что дальше отойти некуда.

— Да, так и думал. Ты не узнаешь меня, ибо в тебе человеческого больше, чем от архангела. Когда-то мы были одним целым, служили Отцу, как нам казалось, творили добро для Вселенной. Увлёкся я слегка. Пожалуй, вопросы ни к чему, потому как земного света твои глаза больше не увидят, а все полученные знания ты похоронишь здесь. И пока не начались муки, Гавриил — тот, что внутри этого мальчика сидит, — я знаю, что ты слышишь мой голос, его не спутать ни с чьим. Отделись от человека. Дай мне тебя приютить, и я обещаю, что мальчик будет возвращён на Землю. Иначе ты будешь участником того, что с ним будет происходить.

— С кем вы разговариваете? Здесь только я. Что отделить надо? Объясните, пожалуйста, я сделаю, только отпустите меня, прошу вас.

Гавриил за секунды запаниковал и уже бросился к его коленям, как дьявол отошёл от него и, приподняв скулы, высказал:

— Из стольких существ во Вселенной и миллиардов людей Бог выбрал самого слабого? Да будет так.

Как только дьявол исчез, прибежали трое бесов и поволокли силой Гавриила наружу. Они были с метра ростом, но сильные и неубиваемые, так как сформированы из глины и главного вещества руах; все созданные дьяволом существа вместо души имели руах — это частичка дьявола… Вся еда, растения и животные в Аду были украдены с планеты Земля…

Дорога была долгая, а тащили Гавриила ногами вперёд, и, пока те добрались до пункта, у Гавриила уже были разодраны вся шея и поясница.

— Я всё осознал! — кричал он изо всей силы. — Клянусь, клянусь, я всё осознал, я грешен!!! Я виноват перед всеми, я умоляю, отпустите меня!

Бесы лишь болтали на непонятном никому, кроме них самих, языке и пытались через жесты ему объяснить, что не понимают и его.

В этот день, пока Гавриил не сдерживал слёз и себя самого, он предстал себе самому с новой стороны, которую ранее не видел: ради сохранения своей жизни он был готов сделать всё, что бы ни попросили. Земная жизнь мигом показалась раем, все наслаждения, что подарила ему жизнь, теперь казались высоким достижением и успехом. «Зачем я жаловался на жизнь?» — дрожа от страха и стуча зубами, повторял он себе. Его глаза упорно глядели на бесов, что, сложившись друг на дружку, вбивали в землю здоровенный столб, к которому закрепили цепь, а на цепь — ошейник, а к ошейнику приволокли силой и приковали Гавриила. Без малейшего раздумья один из них нанёс сильный удар по ноге его, и та сломалась; Гавриил рухнул на землю и закричал от боли; второй бес ухватил его за руку и стал ломать пальцы один за другим. Пока не сломал до конца всю руку. Ну а третий, ухватив его за шею, стал наносить сильнейшие удары по лицу, и когда глаза Гавриила заплыли кровью, а нос был разбит в клочья, бес остановился. Они втроём смирно отошли от него и, присев, наблюдали, как медленно, но верно Гавриил умирал от потери крови.

— Господи, дай умереть, — через кровь и невыносимую боль нашёптывал Гавриил.

Для него не было удивительным, что в галактике обитают различные существа, не похожие на людей, ведь он сам был единственным в мире человеком, умеющим проникать в сознание любого существа, и, пока Гавриил заливал всю землю кровью, он, как реактор, накапливал из последних сил всю ненависть к этим мерзким существам, он возненавидел их всем сердцем и представлял, как разорвал бы их на кусочки. Только кто будет мстить за него?

— Чего уставились?

Гавриил ещё больше сгорал от ненависти, видя, как бесы без единой эмоции наблюдали, как жизнь покидала его. Он еле повернулся на спину, и оттого дышать стало ещё труднее, но удалось сквозь туман в голове вспомнить неизвестного в чёрном, что за всем этим стоит. Но его ожидания скорой кончины прервал верховный демон Ариэль. Эта туша бросила бутыль с кровью бесам и приказала напоить Гавриила. Первый глоток дался с трудом. Он закашлялся, кровь пролилась на подбородок, но бесы продолжали держать бутыль у его рта. Напиток обладал исцеляющим эффектом, и потому спустя несколько секунд на Гаврииле затянулись все раны, но от глубоких порезов сохранились шрамы.

— Гавриил, меня зовут Ариэль, мы с тобой когда-то были знакомы, и для меня это было честью, но времена теперь другие, и ты не тот архангел, а словно пёс на цепи привязан в этом забытом месте Ада. И потому по старой памяти скажу тебе: эти пытки только начались. Их будет очень много, и даже знание, что тебя исцелит моя кровь, не поможет скоротать время. Они будут продолжаться, пока частичка архангела в тебе не сжалится и не перейдёт к Владыке. — Весь исцелившийся Гавриил рассматривал своё тело и больше половины слов Ариэля пропустил мимо ушей. Ведь буквально десять секунд назад он был уверен, что вот-вот умрёт.

— Да-а, мой дар оказался даже не моим, но за его проклятье расплачиваюсь именно я. Спасибо, что спас меня, хотя я понимаю, для чего… Пока я приходил в себя, я подумал: а что, если я когда-нибудь смогу отомстить всем вам, ведь если архангел тот был так велик, то, значит, и я могу добиться его сил.

Ариэль громко рассмеялся и, развернувшись уходить, добавил фразу:

— Ты обречён.

Бесы же привстали и продолжали свою работу, а Гавриил решил укрыться за столбом; он бегал из стороны в сторону, пока один бес, не думая, взял камень большой и бросил в Гавриила, пробив ему голову; кровь снова полилась ручьём, и от бессилия тело его, как выжатый лимон, упало на землю. Более никто не добивал его, пока вновь Ариэль не бросил новую бутыль. А на третий раз бесы решили подойти изворотливее: двое его держали, а третий резал ему медленно живот. Гавриил кричал так громко, что его слышно было за километры, и вот он стал умолять их остановиться, но те продолжали, просто хихикая, и внимательно всматривались в его рану, а затем прям ему в лицо. Когда же эти безвольные создания начали доставать его кишки наружу и резать их, Гавриил потерял сознание. В четвёртый раз его поджигали, а на пятый Гавриил увернулся и стал душить беса своей же цепью, но цепь прошла насквозь, и тогда бес проткнул его тело своей рукой. На десятый раз Гавриил уже даже не двигался, просто наблюдал, как его истязали. Бесы избили его и в двадцатый раз. Израненный, но не смертельно, Гавриил валялся на земле, когда бесы перестали добивать его и просто ушли.

— Неужели ты ещё веришь в то, что тебя кто-то спасёт?

Голос из ниоткуда раздался, а после появилась тень; вновь во всём чёрном одеянии образовалась фигура Люцифера. Взгляд его был проникающим в сознание; он смотрел, будто уже всё знал и лишь хотел убедиться в этом: знаешь ли ты, что он знает?!

— Это снова вы?

Гавриил приподнял разбитую голову и смотрел, но уже не с криком о помощи, как это было в первую их встречу.

— Мне интересно, вы не человек, но выглядите как мы, а кто за такой внешностью спрятался? Она с рождения дана? Или это маска, а за ней яд и абсолютное зло?

— А ты попробуй разглядеть сам, проникни в мой разум, как проворачивал с людьми на Земле, и увидишь.

— Чтобы потом остаться там навечно? Я думаю, вы и есть дьявол, и интуиция мне подсказывает: раз тот могучий Гавриил погиб, то вашими руками. Я знаю, что не спасусь, я знаю, что я особенный, ведь это факт: мне достался бессмысленный дар, но всё же он есть. Но в

своём теле я один, и да, я очень хочу жить, хоть жизнь моя паршива, я лентяй и неудачник, и потому при возможности отдал бы вам душу хоть свою, хоть чужую, но нет такой функции у меня. Это не выпить стакан воды или взмахнуть рукой, а потому ваш план провалился.

— Удивляешь меня, мальчик. Поразительно, как тебя перевоспитывают пытки. Открою тебе один секрет: у людей нет сверхсилы, они богаты только в своём воображении и в своих мечтах и желаниях. Отец не отдал вам магии. И даже страсти, вкус к жизни подарил вам я. За это он отплатил мне сполна. Так что твоя жизнь, наоборот, была предсказуема и нетороплива. В тебе было больше от Бога, чем от Меня.

Люцифер исчез, и снова появились те самые хладнокровные бесы. Гавриил закричал от злости и закрыл лицо руками, а они начали топтать его без остановки, словно песок насыпанный сравнивали с землёй…

Вдали под шатрами уселись верховные демоны с прислугой и, попивая напиток, который одурманивал их рассудок, обсуждали насущные дела.

— Только представьте себе, это когда-то великий Гавриил, на цепи, словно щенок, дерётся с бесами, — сказал Ариэль.

— Как бы я ни ненавидел его лишь потому, что он мой заклятый враг, я вижу здесь отважность: всего одна частичка из миллиарда, которая поселилась в обычном человеке, продолжает сражаться, несмотря на муки, — отозвался Маркус. — Если он не сдастся, надо думать, как выманить его душу.

Гавриил бился из всех сил, нанося каждому бесу удары, но итог был всегда один. Его хватали и мучали, вырывали глаза, резали уши, ломали позвоночник, рубили руки и ноги и даже разделяли на несколько частей его туловище, но частичка архангела сохраняла стойкость.

— Прошу простить, но пытки не дают результата, — обратился к Ариэлю бес и встал на колени.

— Сколько уже было попыток? — спросил Маркус.

— Вот сейчас 468-я была.

Бес произнёс это так спокойно, будто речь шла о самом обычном деле.

— Вот видишь, Ариэль! Теперь ты понимаешь, на что способна всего одна частичка Гавриила, а сколько бы ты пыток вынес? — резко отозвался Эшу.

— Да я, если надо будет, и миллион вытерплю. Меня вообще не напугать.

— Вот только не надо сейчас себя нахваливать, оставь эти сказки для детей своих: две пытки — и тебя не станет. А мне страшно представить, если вся сила вернётся к нему, что он с нами сделает после всего.

— Эшу, мне страшно представить, что владыка сделает с нами, если Гавриил не расколется, потому что именно он и уничтожил Гавриила. Потому как для меня уже всё ясно. Гавриил не сдастся, он смирился, но не проиграет этот бой. Есть одна идея, и пока она единственная, которая мне приходит на ум. Тогда я к Владыке. Ариэль, ты возвращаешься к Гавриилу, а Эшу, ты нужен на Земле. Ещё раз попробуй найти информацию, с кем он рос в приюте, с кем дружил, общался. Тот, кто его оберегал, оберегал его с рождения; предатель в нашем мире, надо узнать, кто осмелился обернуться против, а главное, зачем.

Маркус испил из бокала и исчез.

Где-то на просторах Вселенной, средь миров, у самого изгиба, где заканчивается наша галактика, состоялась встреча двух самых могущественных существ. Средь миллиарда звёзд парил Архангел Михаил, а чуть выше него на одном из пролетающих осколков инородного тела, возможно, обломка метеорита, сидел сложа руки весь в чёрном Люцифер. Недолго их молчание продлилось, и начал весь забитый и сухой Михаил.

— Ты же понимаешь, что вечно пытать его не сможешь, и тебе придётся его убить или отпустить.

— А может, мне нравится видеть, как он страдает. Или вовсе оставлю его у себя в замке, или отпущу на волю — пусть разгуливает по моему миру. Или сохраню в темнице. Это ведь тоже выход.

— Мальчишка сумел напугать самое могущественное существо? Ты его и вправду так сильно боишься? Или воспоминания о былом Гаврииле тебя пугают?

— А может, и ты поделишься тем днём? Когда нашёл умирающего Гавриила? Тебя он не пугает? И нет, мне незачем переживать, он никогда не превосходил меня, просто Отец дал ему иную силу, скрытую, хитрую, и каким бы крепким ты ни был, всего одно прикосновение его к душе твоей делает тебя уязвимым.

— Если отпустишь мальчика, спасёшь много жизней.

— Ох, Михаил, ну и разочаровал ты меня. Неужели это всё, чем ты можешь меня заставить отдать тебе его? Я бессмертен, меня нельзя убить, а своих мне не жалко, для этого и созданы они, в аду более десяти млн созданий. А вот рай твой не пополняется много веков. Ты бы лучше об этом подумал. Так что, прежде чем явиться ко мне без приглашения, подумай хорошенько.

— А зачем ты меня позвал сюда? Узнать, как скоро я приду за Гавриилом, или соскучился, брат?

— Михаил, ну чего мы постоянно делим? Ты живёшь почти миллиард лет — неужели тебе не хочется всего раз изменить суть бытия? Ты каждый миг печёшься о своих братьях, наставляя их на одно и то же, заклинаешь на рабство перед Отцом во славу людей? Или тебе нравится быть большим правителем? Бесстрашный Михаил, который не смог спасти брата, а может, ты вовсе и не хотел его спасти?

— Замолчи! Наш брат не погиб бы, не оскверни ты его разум!

— Здесь я признаю, сожалею. Но Отец создал меня нести людям свет, а какой ценой — решать мне. И не будь меня, ни одно открытие или произведение искусства не создалось бы на Земле. Они лишь размножались бы и только, засыпая с приходом луны и просыпаясь по появлении солнца. Я дал людям выбор, я дал им страсть, а вы хотите сделать их по своему подобию, словно люди — фигурки, но разве Отец это завещал?

— Глупец, возомнивший себя Творцом. Но так и не сумевший создавать себе подобных. Твой предел — это бесы из глины и ослеплённые обманутыми мечтами существа. Ты так и останешься его тенью, тебе не стать никогда Богом. Ты даже цветок создать не смог, твой предел — красть дары у людей.

Михаил кричал, сжимая свои здоровенные кулаки, и вмиг весь переменился; его оскал исчез, а вместе с ним и нахмуренные брови; он прищурился и потёр лоб, продолжив говорить:

— Ты не боишься Гавриила.

В ответ дьявол, широко улыбаясь, подтвердил это.

— Тебе нужна сила Гавриила, чтобы создавать души, наполняя свои сосуды.

— Кто управляет душами, тот повелевает всем сущим, и я не могу упустить такой шанс, Михаил.

Клинок Михаила загорелся синим пламенем, и тот достал его, чтобы нанести удар, как Люцифер исчез.

Тем временем измученный Гавриил лежал в полном одиночестве в цепях, его губы пересохли от жажды, а голод затуманил рассудок. Уже более двух суток он никого не видел и не слышал. Глаза его стали тусклыми, словно старое потёртое стекло. Он еле держался на ногах, и более десяти секунд, проведённых стоя, у него вызывали головокружение; он, будто бы грудное дитя, опускался на землю, затем вновь вставал и, делая шаг, падал. Тогда он полностью сел на колени и наклонился, вытянув руки вперёд, да так сильно, что лбом ударился об землю. Раздался хриплый плотный голосок.

— Я так больше не могу, если ты существуешь, умоляю, помоги мне, дай мне уйти отсюда, прошу, закончи это мучение, я больше так не могу.

Гавриил приподнял голову, и было видно, как по его высохшей коже лица потекли слёзы.

— Дай им убить меня. Господи, я проиграл, я сдаюсь, дай мне всего один глоток свежего воздуха, а потом дай умереть, я умоляю тебя.

Он зарыдал, сколько оставалось сил, и вопил, усаживаясь на колени; его руки затряслись, когда он хотел обхватить лицо, да так сильно, что он просто опустил их.

— Неужели я совершил столько злодеяний в своей жизни, что мне уготовила судьба столько испытаний?

— Господь слышит всё, что говоришь и думаешь, что делаешь и чего не сделал, какой был выбор и ценой чего ты выбрал этот путь.

Гавриил резко перевернулся на спину и ударился в запутанных цепях, чтобы увидеть, кто говорит с ним. Но никого не было.

— Хватит искать логику во всём. Тебе ли, Гавриил, единственному человеку, наделённому сверхсилой, задаваться вопросом, кто я? Ты знаешь, кто я. Ты всегда заглушал этот голос, а я в твоей голове и часть тебя, душа — это называется. Но твоя душа переплелась с моей в момент твоего создания, а я есть не кто иной, как Архангел Гавриил, ты — это я, только человек. Почему сейчас ты слышишь мой голос? А потому что твой рассудок слаб, и удержать меня больше не можешь. Теперь слушай меня внимательно: если даже было бы возможно разделить, словно песочницу, наши души на две горки, Люцифер тебя убьёт или, хуже, запрёт здесь навсегда. А мою силу использует далеко не во благо. Гавриил, ты должен выдержать эти муки, не спрашивай пока зачем. Ты нужен миру, ты нужен мне, мы должны…

— Заткнись! Заткнись! Из-за тебя я прожил жизнь, которую ненавидел, я не мог быть полноценным, вот я сдохну, и кто поднимет голову к небу и имя моё произнесёт? А незачем меня вспоминать, да и некому, я жил, только жалея себя, каждый раз пытаясь создать комфорт, и пользовался всеми прелестями жизни, никогда не ограничивая себя. Но что у меня было? Еда, чтобы не умереть с голоду, и квартира съёмная напополам?

— Ложь! Из-за меня ты откладывал всегда самые важные решения? Это я тебя заставлял лениться? И ничего не делать? Может, это ради меня ты пошёл в такси работать? Делая из себя жертву? В надежде на что? Почему в поступках твоей жизни виноват я? Ты утопаешь, как слабак, в своих мечтах, а в этих мечтах ты грезишь, как умираешь мучеником, и всю жизнь ты свою строишь на этих мучениях! Зачем? Что ты хочешь доказать миру?

— Заткнись! Заткнись!

Гавриил ударил по каменной засохшей земле рукой.

— Чтобы ты сдох! Чтобы ты сгорел! Как и все, кто смеет меня обижать. Ненавижу! Ненавижу вас всех. Ненавижу.

Гавриил, стоя на коленях, бил со всей силой руками об землю, с такой силой, что рассёк себе обе ладони до крови. В глазах его всё будто почернело, и сквозь эту жижу он не видел ничего.

Когда уже боль была невыносимой, он бросился в свои рваные карманы джинсов и трясущимися руками достал ту самую маленькую фотографию Кайи, но обронил её, и ветер качнул её туда, докуда ему было не дотянуться. Он растянулся, сколько было сил, повис на ошейнике железном, но так и не сумел до фотографии дотянуться. Тут на горизонте появился силуэт; в ночи без шанса было разглядеть его. Неизвестный поднял фотографию и, посмотрев, произнёс:

— Кайя, как же сильно я скучаю по тебе.

Гавриил от шока рухнул на задницу и выкрикнул:

— Кто ты? Покажись.

Всячески пытаясь разглядеть его лицо, Гавриил менял углы.

— Гавриил, это я.

— Кто?! — закричал он.

— Та самая частичка, из-за которой ты здесь и которую ты закопал так глубоко, что она лишь сейчас тебе открылась.

Силуэт наконец вышел из тени, и благодаря отражению звёзд перед нами стоял Гавриил, но только не подбитый, а бодрый и улыбчивый.

— Нисколько не хотел тебя напугать, — раздался голос чёткий и спокойный.

Гавриил от испуга стал задыхаться и хриплым голосом выдавил:

— Ты мне мерещишься, нет, я сам себе приснился, это сон, это иллюзия, я схожу с ума.

— Гавриил, угомонись! Завтра нас может не стать, ты мне нужен! Или ты предпочтёшь снова лежать и плакать? Если смерть — это выход, то тогда зачем дана была жизнь?!

— Я хочу всего лишь, чтобы это закончилось. Я больше не я, я умер давно душой, а тело лишь так же скоро сгинет; я слабак, и трус, и неудачник.

— Не всё ли равно, кто ты сейчас? Хоть самый слабый из сотни миллиардов живых существ, но ни у кого, слышишь, нет того, что можешь ты! Ты можешь спасать жизни, а если ты сейчас сдашься, то…

— То что? Что будет? Я самоубийца? Я убийца? Да-а-а! Но мне плевать, ибо я не хочу никого спасать, потому что никто не спасал никогда меня, всем всегда было всё равно, кто я и что у меня внутри, да и кто я? Врач? Химик? Никто. Всё кончено. Я решил для себя и здесь не отступлю. Ты хватаешься за последнюю соломинку, но у меня нет больше причин жить.

— А как же Кайя?

— А что с ней? Она даже не знает о моём существовании.

— Она может быть причиной жить дальше? Ты помнишь, как ты сюда попал? Тебя наверняка переправил сюда Эшу, но для этого ему надо было исполнить вначале твоё желание. Ты его загадал?

Гавриил задумался; его глаза заиграли, наконец он сделал выдох, выпустив весь груз своего бремени.

— Тот человек, пассажир в такси, болтал без умолка, он был очень странным, будто знал обо мне всё, и да, он спрашивал меня, чего хочу я, мол, была бы возможность — чего бы я пожелал, чтобы сбылось; у меня в этот момент жизни всё перемешалось в голове, в какой-то момент я выбежал из машины, мы говорили обо мне, и я сказал: «Я хотел бы увидеть её».

— Дальше? Ты увидел её? Она появилась?

— Нет, я только услышал голос, но я не уверен, что это была она. Мы стояли на дороге, может, это вообще гул от машины.

Гавриил, что из подсознания, набросился на Гавриила и, приподняв его, обнял крепко-крепко:

— Всё будет хорошо, завтра в самый последний момент обратись к Эшу и потребуй от него исполнения желания, его природа сильнее разума, и потому желание исполнит вопреки своей смерти, завтра всё закончится, Гавриил, поверь мне, ты не виноват, что так вышло, Гавриил, твоей вины в этом нет. Ты не виноват.

А тем временем на берегу райского ручья, средь белоснежных гор и цветущих садов с высокими деревьями и разноцветными цветами, два архангела испивали воду; одним из них был Михаил, второй — Рафаил. Позади них расположился десяток ангелов, наблюдавших за Михаилом. Все ангелы были похожи на людей, за исключением крыльев, бело-золотых, а кожа слегка отдавала оливковым блеском…

— Перед боем ты, Рафаил, и все вы, мои младшие, имеете право знать правду. Куда и зачем я вас поведу. Ещё задолго до вашего появления на свет мой брат Гавриил, которого все высшие ангелы считали уступчивым и мягким и где-то чересчур добрым и иногда слабым, — единственный, кому дозволено было слышать голос Отца. Мог ли он задать вопрос или вступить с ним в диалог, как мы сейчас общаемся, — я не знаю, но знаю точно: развил свой талант

до вершин Вселенной. И мечта была его — искоренить зло. А зло могло быть как духовное, так и физическое, и источником зла он считал Люцифера.

— Его талант начинался с перенимания чужих чувств, эмоций, мыслей и заканчивался тем, что он влезал в душу и мог разделять чувства, воспоминания, ломать прошлое, перенаправлять человека, уничтожать боль, поглощая её. Он творил чудо, проживая в эти минуты чужие жизни, наши с вами жизни. Ему достаточно было секунды, чтобы всё прошлое увидеть. Он видел, как страдают люди, как страдают ангелы. Одного за другим он спасал от сомнений, от желания навредить другим или себе, но когда произошла война в раю и много ангелов восстали против Отца, он не сумел всех спасти, как и Люцифера. Но идею спасти всех он не оставил. И вот в один из самых обычных дней он явился ко мне, такой радостный, даже слишком для такого добряка, как он, что и удивило меня. Как сейчас считаю, он пытался скрыть свою тревогу перед надвигающимся боем; он рассказывал о том, что наконец нашёл способ, как воссоединить семью! Но как только он произнёс слова «воссоединить семью», меня всего пробрало насквозь. «Как же так? — подумал я. — Мы столько трудились, мы стольких братьев потеряли, и ты хочешь простить его и Люцифера вернуть в рай?» Ох, и злость кипела у меня, взял бы вот так рукой и задушил. Но я продолжал его молча слушать, смотрел на него как на дурачка, и думаю: «Отец выбрал его своим посланником? Что он творит? Но и я что за брат, если откажу ему в помощи? Тогда ослушаюсь Отца? Но ведь риск велик, что это безумный план, обречён на провал».

Михаил провёл ладонью по лбу и снова заговорил:

— Чувства, которые испытывал мой брат, были от его большой любви ко всему живому, он верил, что всех можно спасти, и даже Люцифера. Что якобы он сумеет вселиться в его голову, найти тот самый переломный момент в его судьбе и излечить его, подменив его желание — любознательность — желанием послушания. Но мир Дьявола был не похожим ни на один другой, он состоял из миллионов маленьких миров, которые прятали в себе миллионы разрушенных судеб со всей Вселенной. На тот момент его сознание пронесло через себя более ста миллиардов существ. А Гавриил был готов? Очевидно, что нет. Представьте, что столько людей и ангелов вдруг завопят от боли, закричат, а дороги обратной нет, возможности остановиться, извиняться и попросить пощады тоже нет. В момент, когда Гавриил погружался в разум, всегда срабатывал внутренний инстинкт сохранения хозяина души, и он атаковал, отвергая вторжение и защищая тело, ему каждый раз приходилось отбиваться от атак, а если не удавалось, то Гавриил попадал в плен. В тот день он рискнул, он стал бороться и пробираться сквозь эти миры к центру его сознания, но сработало заклятие, которое заготовил Люцифер, будучи осведомлённым о том, что в один из дней Гавриил и его попытается исцелить.

Михаил умолк, все ангелы затаили дыхание, и было слышно, как с цветков вода капает в голубую воду реки.

— И что же произошло тогда, Михаил? — спросил Рафаил.

— В этот день Гавриилу пришлось испытать все те мучения, которые испытали все живые существа, которых искушал Дьявол; их было бесчётное количество. Он не смог, как не смог бы ни один из нас, пережить такое количество молитв о пощаде, гнева, страха, гордыни, угрызений совести. Голоса не смолкали в его голове, он разорвал связь с реальностью; Дьявол, увидев это, просто исчез с поля битвы, а Гавриил стал сам мучеником всех грехов, которые сотворил Дьявол. И, найдя своего брата, я не смог ему никак помочь, я держал его в своих руках и слышал, как его душа раскалывается под натиском миллиардов загубленных душ, я никак не смог ему помочь, я пытался и не мог.

Вмиг глаза Михаила зажглись белым огнём, он закрыл их и не открывал.

— Он кричал мне: «Помоги, Михаил, я умоляю тебя, помоги, они раскалывают мою душу».

— Я начал молиться и просил Отца помочь, я умолял его, я держал Гавриила и умолял Отца, я терял рассудок свой, глядя, как мой брат разламывался, но Отец не слышал меня. Это была первая просьба моя к нему, которую он так и не услышал. Спустя несколько минут, которые были для меня годами, я ничего не смог сделать, кроме как только заглушить боль моего брата. Достав свой клинок с синим пламенем, я пронзил тело Гавриила; его глаза после стольких гонений наконец обрели покой, тело охладело, и спазмы отпали; я поймал его, и он лёг на землю; вся земля на этой планете вмиг зацвела, а я смотрел на его лёгкую улыбку и застывшие глаза и не мог поверить в то, что он умер. Его душа раскололась на миллиард кусочков, и вместе с теми мучениками, что вселил в него Дьявол, они обратились в небытие, они растворились, словно их и не было, но одна частичка его души, как говорит поверие, отскочила и попала на Землю, но отыскать её было невозможно.

— А я начал отсчёт дней, лет, столетий, своих страданий, я доказал верность Отцу, но потерял брата. Вот так порой бывает, что правильный путь не всегда ведёт к покою сердца твоего; я не смог простить себя за то, что тогда не пошёл за братом, а боялся ослушания Отца. И чтобы суметь как-то оправдать себя, я кинулся на поиски дьявола. Но к тому времени, когда я его настиг, он был уже готов ко встрече со мной. Мы сражались очень долго, но одолеть его я не смог.

Михаил взмахнул рукой, и в невесомости появился круглый шар, напоминающий солнце, огромный шар размером с футбольное поле.

— Представь, что это сила нашего Отца.

А после он добавил маленькую точку размером с песчинку, тоже светящуюся, но как кончик иглы, которую еле было увидать.

— А это вся сила Архангела, а мы знаем, что сила архангела — в его душе, как и у человека, и что силы ему даёт только душа, благодаря которой он продолжает нести своё бремя. А душа и есть частица Бога, и пусть человеку её отведено меньше, ангелам побольше, а нам, Архангелам, кажется, что дарована бесконечность. Но это не так, потому и стоит посмотреть и сравнить все наши силы.

Рафаил смотрел внимательно на эту маленькую точку и затем на огромный светящийся шар.

А затем Михаил создал ещё шар, раза в два меньше поля футбольного, и сказал:

— А это сила Люцифера.

Многих ангелов настигла паника, некоторые стали шептаться, и только Рафаил рискнул спросить:

— Ведь вы с ним были созданы в один день, и силу вам дали равную, и как так вышло, что Люцифер в миллиарды раз сильнее тебя?

Шёпот позади него затих. Теперь все смотрели на Михаила и ждали, что он ответит.

— Сила Дьявола безграничная. В той схватке, вы должны знать, я проиграл ему бой, я пал, едва держась на коленях и истекая кровью, исход был ясен, как ясный день, и тогда я был готов принять свою погибель, но он захотел поработить меня и измываться надо мной, но тут вмешался Отец: он перенёс меня сюда, в рай, где я оправился.

— И что же получается, коль дьявол непобедим, как мы спасём Гавриила?

— Надеяться на чудо, что Гавриил обретёт свою силу, ну а если нет, то слушать мои команды, и все вернутся домой.

Тем временем в Калахаре, в заброшенных землях, Ариэль навестил единственного узника.

— Гавриил, время затяжного молчания истекло, мучить тебя больше никто не будет. Мы знаем, что частичка лучше погибнет с тобой, чем предастся Люциферу. И потому сегодня ты покинешь земли Калахара и Ад навсегда. Ты был самым стойким бойцом, которого я встре-

чал, но этого недостаточно, чтобы выжить. Сегодня твоя жизнь оборвётся, и из милости моего господина я могу тебе раскрыть любую тайну. Задавай любой вопрос.

Это был Ариэль, тяжёлая туша под 250 килограммов. Он топтал землю и еле двигал губами, ему было лишний раз лень делать движение, потому всегда держал руки в одном статичном положении, как и голову, только двигал глазами. Долгое молчание разбитого Гавриила заставило Ариэля достать меч, воткнуть его в землю и, взявшись за рукоятку, присесть в воздухе, упёршись одной ногой в ребро лезвия меча.

— Если ты не обладаешь информацией, как мне отсюда выбраться, то проваливай. Хотя одно меня интересует: если я угроза для Дьявола, почему просто не вернуть меня на Землю? Ведь за 30 лет ничего не смог сделать, ничегошеньки. Ты правда веришь, что вот в таком состоянии, полуживым, я смогу кому-то навредить?

— Я делаю, а думать — удел других. И потому отказано тебе в сохранении жизни. Ты будешь убит рукой дьявола — всё, что надо тебе знать. А мог спросить, что пожелаешь, что никому из людей неизвестно, любую тайну.

— Ариэль, верно? Скажи, а зачем? Что дадут мне знания, если сегодня меня не станет! Ты прикидываешься или туповат? У нас на Земле есть такая шутка, что перед смертью не надышишься, и каждому смертнику не на вопросы отвечают, а желания исполняют, а ты мне на вопрос готов ответить. Засунь этот вопрос туда, откуда он вышел, Ариэль.

Ариэль не дёрнул ни одним нервом кожи лица, только произнёс:

— У каждого существа за 30 лет найдётся как минимум один вопрос, на который оно хотело бы услышать истину. Ты не Гавриил по природе и духу. Он был величайшим из существ. Увидимся на площади.

Гавриил повернул голову от Ариэля и даже не посмотрел ему вслед. Внутренний протест против происходящего или просто очередная истерика оттого, что ничего у него не получилось. Не получилось на Земле отыскать свой путь, не удалось сохранить жизнь, не сумел воспользоваться даром своим. Гавриил паниковал до такой степени, что его даже новость о скорой смерти не пугала. Он поверил, что это выход. Это единственный выход из ситуации бессмысленности своего существования, это тот конец, который он желает всем сердцем, и другой жизни он не хочет, ибо вся она наполнена была только ожиданием, что что-то изменится, а по факту это был лишь долгий путь очереди, которая привела именно туда, где он и должен был оказаться, — умереть от рук самого дьявола. Как только Ариэль покинул его бесследно, Гавриил спустился с камней на сухую жёлтую землю, лёг, пытаясь обнять её; он прислонился щекой к горячему куску земли Калахара и заплакал.

На огромную площадь в центре Калахара, которая была создана из мрамора, вышло всё население сегодня, чтобы стать свидетелем того, как публично казнят Гавриила. Перед десятью миллионами существ, среди которых были демоны, падшие ангелы и бесы, на высоте 50 метров располагалась ложа дьявола, где присутствовали все три высших демона — Ариэль, Маркус и Эшу. На коленях сидел прикованный Гавриил. Он больше не боялся ничего на свете. Бесы приковали его к монолитному камню намертво, и тот даже не сопротивлялся. Дьявол подошёл к Гавриилу и внимательно посмотрел на него, начав:

— Всё же Калахар тебя изменил, больше нет того искрящегося взгляда, так жадно не бегают твои глаза, они не просят больше пощады, и им совсем неинтересно, что там дальше ждёт тебя; это состояние я называю смирением, вот этот взгляд, гляньте.

Люцифер обратился к своим демонам и пальцем повёл по лицу Гавриила.

— Я не понаслышке знаю, каково, когда тебя запихивают в смирительную рубашку, а ты думаешь: «Я ещё им покажу! Докажу этим всем никчёмным!» А потом день, два, месяц, год, и ты ломаешься, и, возможно, всего одна маленькая надежда способна весь твой дух растрясти, но никакого спасения нет, а ты всё ждёшь и ждёшь. Так же было и со мной, но я спас себя сам, а тебя, как любимого сына, спасёт Отец, и я ведь пристально наблюдал за тобой, так хотелось

увидеть его в своих землях, но, кроме сумасшедших разговоров и твоих слёз, больше ничего не увидел. Ох, бедный Гавриил, сколько же выпало на твою долю мучений, тогда, сейчас; ты был с рождения несчастлив, архангел, прямо как и ты, мальчишка. Вы оба обречённые на несчастья. Один не смог жить в мире, где есть боль, и причём виновным был я; второй от своей лени не реализовал себя! Но что вас объединяет?! Что тогда и сейчас вас не сломило?! Любовь к Отцу? Где то, что я упускаю из виду? Говорят, что каждому нужна любовь, а иначе сердце станет заледенелым и оттаять больше никогда не сможет. Но ты не любил, я это знаю! Ни архангел, ни этот несчастный мальчишка! А я вот сумел полюбить и подарить своим родным всё, что было у меня, я разделил между ними любовь свою, — продолжал Дьявол. — Я смог найти в себе силы после того предательства моей семьи и создал свой мир, в котором справедливость на первом месте.

— И какая справедливость? О каком равноправии вы говорите? Вы тиран в самом обычном его проявлении. На Земле и такие персонажи были, не удивлюсь, что и за ними стояли именно вы.

Появился Эшу, его взгляд искал Люцифера, чтобы тот разрешил подойти к нему, но Владыка был занят разговором с Гавриилом.

— Я не управляю людьми, глупец, они сами себе принадлежат, но жалость к себе способна на многое, и люди обвиняют высшие силы в своих ошибках.

Эшу хотел крикнуть и позвать Люцифера, уже сделал шаг к нему, как раздался сильный хлопок, будто в небе что-то взорвалось, что аж земля затряслась. Гавриил качнулся вперёд, но цепи удержали его, больно впившись в тело. На площади все разом подняли головы.

Один за другим с неба стали приземляться ангелы во главе с Архангелом Михаилом. Он опустился первым, ударив ногами в мрамор, и ещё не успела осесть пыль, как его клинок загорелся синим пламенем. Позади приземлились остальные, расправляя крылья и оглядываясь по сторонам. Перед ними стоял Люцифер, а рядом с ним, прикованный к камню, сидел тот, ради кого они сюда явились.

— А вот и наши долгожданные гости, — заявил дьявол. — Михаил, зря ты сюда явился, потому как, кроме смерти, здесь вы больше ничего не отыщите.

Михаил смотрел на Гавриила, пытался разглядеть его лицо под засохшей кровью, как Ариэль уже бросился вперёд. Человеческий облик исчез, и огромная львиная лапа ударила первого ангела в грудь, отбросив его прямо на братьев. Они повалились друг на друга, пытаясь раскрыть крылья, но над ними уже мелькнул хвост скорпиона.

Михаил успел подставить клинок. Раздался такой звон, что Гавриил зажмурился. Хвост скользнул по лезвию и вонзился в мрамор у самых ног архангела.

Ариэль рванул его назад, но Михаил уже ухватился за хвост левой рукой. Лев попытался ударить его лапой, как архангел сам шагнул навстречу, пригнулся и со всей силы ударил рукоятью клинка в нижнюю челюсть. Голова Ариэля запрокинулась, и Михаил, не дав ему опомниться, ударил ногой в грудь.

Огромного льва отбросило назад. Он рухнул на бок, проломив собой мраморную плиту, и, пытаясь встать, заскрёб когтями по полу. Михаил отпустил его хвост и уже повернулся к Гавриилу, как над ним распахнулись крылья Маркуса.

Дьявол дал приказ своим воинам наступать на ангелов. На ложу полезли бесы, один за другим, цепляясь друг за друга, а Маркус, обратившись в дракона, взлетел над головами. Его огромные крылья подняли такой ветер, что Гавриил отвернулся и прижался щекой к камню.

Первое пламя ударило туда, где только что стоял Михаил. Он успел отскочить, схватил одного из братьев за плечо и отшвырнул в сторону, сам упал следом, и огонь прошёл над ними. Кто-то закричал позади. Михаил обернулся и увидел, как ангелы стали разбегаться, а Ариэль уже снова стоял на лапах и раскидывал их, словно солдатиков, пронзая хвостом тех, кто пытался подняться.

Паника охватила Михаила. Он не знал, за кого браться. Один брат лежал на спине и пытался оттолкнуть навалившихся бесов, второй держался за пробитое плечо, а Гавриил всё ещё сидел у камня, возле которого стоял сам Люцифер и широко улыбался от зрелища.

Михаил бросился к нему, а навстречу сотня бесов, которых призвал Люцифер. Они хватали за руки, за крылья, лезли под ноги, и Михаил, отбиваясь клинком, пытался хоть как-то пробраться вперёд. Он сбивал одного, как на его место уже лезли двое, отталкивал их плечом, бил рукоятью, вырывал из чужих рук своё крыло и снова шёл к Гавриилу.

Он распахнул крылья, собираясь взлететь, но Маркус тут же прошёл над самой ложей, и Михаилу пришлось пригнуться. Пламя ударило позади него, отрезав от братьев. Он попытался уйти в сторону, но дракон повернул голову следом, и огонь прошёл по мрамору прямо перед его ногами.

Михаил отшатнулся, прикрыв лицо левой рукой. Впереди ещё можно было пройти, там сидел Гавриил, и он рванул к нему, пока Маркус снова не развернулся.

У самого камня, в дыму, исчез человеческий силуэт Эшу.

До Гавриила оставалось несколько шагов.

Тот приподнял голову и потянулся вперёд всем телом, насколько позволяли цепи. Михаил уже видел его глаза, видел, как он шевелит губами, пытаясь что-то сказать. Он протянул к нему левую руку, как вдруг что-то обвилось вокруг запястья и резко дёрнуло назад.

Эшу превратился в длинную змею. Его тело скользнуло по руке архангела, кольца затянулись выше локтя, прижимая руку к груди. Михаил развернулся, подняв клинок в правой руке, но Ариэль уже ждал этого движения.

Хвост прошил его правое предплечье насквозь.

Михаил закричал и согнулся, так и не выпустив оружие. Кровь побежала по пальцам, на клинок, на землю. Он попытался ударить Ариэля, но тот рванул хвост в сторону, и рука архангела безвольно опустилась.

Он ещё пытался вырваться. Упёрся ногой, распахнул крылья, потянул за собой Эшу, да так сильно, что змея скользнула по мрамору вместе с ним. Михаил сделал ещё шаг к Гавриилу, но Ариэль снова дёрнул его за пробитую руку, и архангел рухнул на колено.

Маркус приземлился позади и всей тяжестью вдавил его в землю. Крылья Михаила ударились о мрамор, а сам он попытался повернуться на бок, но лапа на спине прижала его сильнее.

Только тогда Ариэль выдернул хвост из его руки.

Рафаил, увидев, сколько братьев попало в плен и что Михаил уже не сможет освободиться, отдал приказ отступить.

— Михаил, мне даже не пришлось применять свою силу, служители Рая ещё никогда не были такими слабыми.

Люцифер подошёл к брату и наклонился над ним. Михаил всё ещё держал клинок в окровавленной правой руке. Он попытался отвести его в сторону, но Люцифер ухватился за рукоять и вырвал оружие из его пальцев.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? Потому что я так захотел. Не ты и не Отец! Я-Я! А почему ты явился сюда неподготовленным, словно шёл на верную смерть, а не спасать? Это говорит об обидном: ты чувствуешь вину, потому что тогда оставил брата?

Михаил упёрся раненой ладонью в мрамор и попытался приподнять голову, но Маркус снова надавил на спину. Пальцы архангела разъехались по собственной крови, и лицо его оказалось у самого пола.

Эшу разжал кольца и принял свой облик. Он сразу же хотел окликнуть Люцифера, как тот попросил его закрыть рот и молчать. Демон замер, глядя на клинок, который теперь находился у Владыки.

— Этот клинок — знаешь, на что способен, Михаил? Всё это время, как оказалось, у нас у всех есть одно общее: у меня — нести людям свет через кровь мою; у Гавриила — лечить ментальные раны. А твой клинок способен рассекать тела и извлекать души живых существ. Теперь ты понимаешь, зачем ты здесь?

Люцифер, словно молния, перенёсся к Гавриилу. Никто даже не успел осмыслить сказанное им, как над Гавриилом поднялось синее пламя.

— Стойте!

Крик вышел таким хриплым, что Гавриил закашлялся, пытаясь снова набрать воздуха. Он потянулся вперёд, цепи натянулись, и ему пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть в лицо дьяволу.

Люцифер аж удивился.

— Неужели ты передумал умирать?

— Нет, нисколько. Только раз вы заговорили о справедливости, то тогда пусть она восторжествует! — закричал Гавриил.

— О чём ты говоришь?

— Эшу! Он должен был исполнить моё желание, а взамен перенести меня сюда, плату взял, но желания не исполнил! Вы утверждали, что есть справедливость, так пусть она будет исполнима!

Люцифер посмотрел на Эшу. Тот уже открыл рот, но Гавриил продолжил, не давая сказать.

— Если правда ваши слова не лицемерны, то чего мы ждём? Пусть появится тот, кого я пожелал увидеть.

— Ты хочешь перенести и увидеть человека здесь, в аду? Ты понимаешь, что обрекаешь её на смерть?

— Договор свят для живых и жителей Ада, и потому я заклинаю Эшу исполнить моё желание.

Эшу впервые за сотни лет жизни растерялся. Он пытался заговорить, но стал заикаться, то смотрел на Гавриила, то на Владыку, и чем дольше молчал, тем сильнее менялось его лицо. Подчинение собственной природе оказалось сильнее верности Дьяволу, и потому он не успел сказать ему, о чём узнал на Земле.

Прошли секунды молчания. Гавриил в поту смотрел перед собой, еле держа голову. Люцифер не отводил глаз, как и Маркус, и Михаил, который под прессом лежал. Даже Эшу перестал пытаться что-то объяснить и только смотрел туда, где перед ними стал собираться туман, настолько густой, что напомнил молоко. И наконец появился силуэт, в ложе самого дьявола появилась девушка, золотоволосая, с зелёными глазами и в зелёном платье. Стоило ей войти, как у всех, за исключением Эшу, была реакция, ведь он знал, кого призвал, а реакции были разные, и самым счастливым оказался Гавриил, он выдохнул, отпустив груз, который нёс более двадцати лет, и не переставал улыбаться и плакать одновременно. Напротив же, Люцифер, ошеломлённый, не теряя ни секунды, замахнулся и хотел воткнуть клинок, как вмиг всё замерло. Рука Люцифера осталась поднятой, на пальцах ещё висела кровь Михаила, и капли, которые уже сорвались вниз, так и не долетели до земли. На площади больше никто не кричал, никто не двигался, весь шум, словно свет, погас. Маркус стоял, вдавливая Михаила в мрамор, Ариэль застыл с раскрытой пастью, а над ложей повисли ангелы, которые ещё не успели улететь.

Время в аду остановилось для всех, кроме одного существа, коим была Кайя.

Несколько тысяч лет назад.

На одной из звёзд, где состоялась драка между Гавриилом и Люцифером, приземлился Михаил. Он смотрел на лежащего Гавриила, который в жутких судорогах пытался ему что-то сказать. Но Михаил был непреклонен.

— И это твой любимчик, Отец? Посмотри на него, взгляни: он порабощён своей же самоуверенностью, разве такой сын достоин слышать твой голос, Отец? Разве такие слабаки, как он, должны общаться с тобой и видеть твой лик?

Михаил присел на колено и смотрел на лицо Гавриила, зрачки которого крутились бесконечное количество раз. Он наклонился чуть ближе, и с губ Гавриила упала фраза:

— Помоги, брат.

— Когда-то ты был мне братом, но сейчас я вижу самодовольного глупца, которого затуманило желание спасти всех и предстать перед Отцом спасителем? Не быть тебе им.

Михаил уже собирался улететь, когда время замерло, и на звезду приземлилась та самая золотоволосая Кайя. Она рухнула к Гавриилу и, обняв его, стала рыдать. Для неё вся жизнь в этот момент остановилась, а для других — всего лишь время. Она с такой силой его к себе прижала, что, казалось, сейчас задушит его и без того умирающее тело.

— Гавриил, Гавриил, Гавриил.

Она повторяла так несколько тысяч раз, прижималась к его лицу, снова звала его по имени и кричала от боли. Её разум не мог принять, что Гавриил умирал и что не было сил, способных его спасти.

Но время было нельзя оставлять вечно остановленным. И, решившись наконец, что пора мучения Гавриила прекратить, именно Кайя, отобрав клинок у Михаила, пронзила тело Гавриила. И, успев ухватить всего одну частичку его души, она поместила её в сферу, пообещав, что отыщет все остальные частички и воскресит любимого.

Тем же днём в аду состоялась встреча Кайи с Люцифером. В беседе она пообещала, что покинет родной дом навсегда. Люцифер посчитал это предательством и, являясь кровным отцом Кайи, наложил на неё магию: та никогда больше не сможет посетить земли Ада, даже если передумает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.